

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В ХОЗЯЙСТВАХ СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА)

А. Ю. Рощупкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением распределения численности крестьян и бобылей в хозяйствах елецких казаков в зависимости от их социальной принадлежности. Сохранившиеся документы позволяют проследить зависимость величины поместий казаков от числа в них крестьян и бобылей, определить, какие причины способствовали уменьшению их численности, а также установить соотношение крестьян и бобылей в разные временные отрезки. Помимо этого, анализ документов показывает, сколько половищников и третчиков числилось за отдельными группами казаков, представителями каких социальных ниш они были и какая роль им отводилась в хозяйствах казаков.

Ключевые слова: крестьянин, бобыль, половищник, третчик.

Abstract: in article the questions connected with definition of distribution of number of peasants and solitary men in farms of Yelets Cossacks depending on their social accessory are considered. The remained documents will help to track dependence of size of an estate of Cossacks and number on them of peasants and solitary men, to define what reasons promoted reduction of their quantity, and also to track a ratio of peasants and solitary men in different time spans. In addition the analysis of documents will allow to tell, how many polovinshchik and tretchik were registered behind separate groups of the Cossacks what representatives of social niches they were, and what role on it was taken away in farms of Cossacks.

Key words: peasant, solitary man, polovinshchik, tretchik.

Формирование корпорации елецкого служилого казачества началось с первых дней строительства крепости (1592–1594 гг.) [1, с. 14] и продолжалось вплоть до середины XVII в. К набранным в конце XVI в. полковым и беломестным донским казакам после событий Смутного времени присоединилась группа переведенных поместных казаков [2]. Позднее к числу елецких ратников примкнули беломестные кормовые можайские и ярославские казаки [3]. В конце 1630 – начале 1640-х гг. ряды служилых людей пополнились за счет «задонских» казаков [4, л. 9]. За свою службу от государства казаки получали жалованье, важной статьёй которого был земельный надел. На нем, судя по сохранившимся документам, помимо казака и его родственников могли трудиться крестьяне, бобыли [2], половищники и третчики. В данной статье на основе материалов Поместного и Разрядного приказов рассмотрим, какие факторы оказали влияние на количественное распределение крестьян и бобылей между казаками, а также затронем проблему идентификации половищников и третчиков.

Переведенные после Смуты в елецкий уезд казаки получили там поместья с установленным размером

земельного и денежного жалованья [5, с. 210]. На их земельных наделах, согласно данным разборной десятины 1621–1622 гг., составленной воеводой Семеном Волынским, были приписаны крестьяне и бобыли [6]. Число тех и других колебалось в пределах от одного до четырех человек. В 18 казачьих поместьях из 53 было зафиксировано по 1 крестьянину; в 12 поместьях по 2 крестьянина; в 5 поместьях по 3 крестьянина, а в 5 поместьях было по 4 крестьянина. В то же время по 1 бобылю были записаны за 21 поместным казаком, в 15 казачьих поместьях проживали по 2 бобыля, в 5 поместьях пребывали по 3 бобыля, а в нескольких поместьях было 4 и 6 бобылей. Интересно, что какого-либо преобладания одной группы над другой не наблюдалось. Общее число крестьянских и бобыльских дворов в группах было тождественным и составляло около 79 человек в группе.

Из материалов десятины становится ясно, что число крестьянских и бобыльских дворов в казачьем поместье не зависело от его величины. Так, по 4 крестьянина и 2 бобыля были одновременно зафиксированы у атамана Тимофея Кабордина с окладом 400 чет. [там же, с. 229], рядового казака Плакиды Васильева с окладом 300 чет. [там же, с. 230] и казака Владимира Яковлева с окладом 150 чет. [там же,

с. 234]. В том случае, если казак имел небольшой земельный надел или ему не позволяло материальное положение, то в его поместье числилось не более одного работника. У казака Ермола Федотова при окладе 150 чет. и поместье в 40 чет. с четвериком числился 1 бобыль [там же, с. 235]. Не единичны случаи, когда казак один обрабатывал свой участок. Тогда его, как и детей боярских, причисляли к разряду однодворцев. В десятке упоминаются трое таких казаков: Иван Юрьев [там же, с. 232], Петр Елагин с окладом в 250 чет. [там же, с. 232] и Кузьма Семенов с окладом 150 чет. [там же, с. 235]. Интересным остается тот факт, что в последующем Иван [7, л. 163] и Петр [там же, л. 164, 534 об.] не обзавелись крестьянами и бобылями, а продолжали самостоятельно вести хозяйство.

По данным межевой книги поместных земель 1628–1630 гг., на землях поместных казаков продолжали трудиться крестьяне и бобыли [там же]. При этом, если в начале 1620 г. речь шла об их общей численности, то теперь единицей измерения становится двор. Судя по сохранившимся материалам, в большинстве упоминаемых поместьях один двор соответствовал одному крестьянскому или бобыльскому хозяйству. Если в рамках двора жили несколько крестьян или бобылей, то это прописывалось отдельно. Так, за есаулом Никифором Исаевым были записаны два бобыльских двора, а проживали в них три бобыля [там же, л. 1152].

Число крестьянских и бобыльских дворов и находившихся в них людей было, как и в предыдущие годы, немногочисленным. Оно колебалось в пределах от одного до нескольких человек. Так как сведения по Бруслановскому стану утеряны, то, к сожалению, сводные данные будут приблизительными. Несмотря на это можно с уверенностью сказать, что численность казаков, наделенных поместьями, по трем станам составляла 72 человека (Воргольский, Елецкий, Засосенский) [8, с. 52]. По 1 крестьянскому двору было у 34 казаков, по 2 двора – у 6 поместных казаков, за 3 казаками числилось по 3 крестьянских двора. Число бобыльских дворов также соответственно уменьшилось. По 1 двору было у 17 казаков, по 2 бобыля были записаны у 6 казаков, и в 3 поместьях жили по 3 бобыля. Число крестьянских и бобыльских дворов находилось в соотношении: 51 к 35. Показательна личность казака Ивана Ермолаева [6, с. 231; 7, л. 1277]. Ему удалось не только сохранить своих крестьян и бобылей, но и увеличить их численность. Число крестьян у казака возросло с двух до шести, а бобылей с двух до трех человек. Однако чаще это было исключением в общей массе казаков. За последнее десятилетие увеличилось число пустых крестьянских и бобыльских дворов. У 13 казаков пустовали

15 крестьянских дворов, а у 3 казаков – 6 бобыльских дворов.

Наблюдавшееся уменьшение численности крестьян и бобылей у поместных казаков на протяжении 1620–1640-х гг. могло быть связано с несколькими причинами. Ответом на одну из них служит масштабное по резонансу дело 1628 г. о челобитной ельчан на князя Ивана Никитича Романова по поводу отвода земли и крестьян с их поместий [9, с. 15]. Вывоз крестьян продолжался систематически, поэтому многие поместные казаки включили свои жалобы вместе с детьми боярскими в росписи вывезенных в вотчину И. Н. Романова крестьян. Судя по материалам дела, крестьян начали вывозить уже в 1622 г., и это продолжалось вплоть до 1628 г., когда началось разбирательство по делу. Так, поместный есаул Иван Демидов жаловался, что в 1622 г. и 1626 г. из боярской вотчины приезжали люди Романова и вывезли его крестьян Петрушку Григорьева и Федьку Павлова с женами, детьми и всем имуществом. Кроме того, взяли двух мерингов и кобылу [там же, с. 380]. Другой есаул Гаврила Родионов сетовал, что в 1627 г. «на Великий мясоед» от него насильно вывезли крестьянина Федьку Новикова и его жену, детей и имущество [там же, с. 375]. Пострадали и рядовые поместные казаки. У Федора Жирова в 1627 г. за три дня до Светлого Воскресенья (праздник Пасхи. – А. Р.) вывезли крестьянина Сережку Шеборшина вместе с зятем Радкою [там же, с. 372], а у Ивана в «Филипово говенье» крестьянина Костика Григорьева с женой, детьми и имуществом [там же]. Были жалобы и других поместных казаков, но все они сводились к одному – оставили без крестьян.

Порой крестьяне и бобыли самовольно уходили в неизвестном направлении. За полковым сотником Олфером Ивлевым числилось несколько поместий. На момент составления межевой книги в них не было ни одного крестьянина и бобыля: «усадыбище помещиково пусто, и место дворов крестьянских и бобыльских пусто, а куда сошли безвестно» [7, л. 563].

Другой причиной уменьшения крестьян и бобылей могли послужить частые набеги крымских людей в южные уезды и увод их в полон. Так, у казака Епихи Сапелкина [там же, л. 895] после появления в елецком уезде крымских татар два крестьянских двора оказались пусты, а у Кузьмы Терентьева [там же, л. 1264] – один.

Нередки случаи, когда крестьяне и бобыли сами сбежали от казаков. Часть крестьян уходили в другие города, где записывались в служилые по прибору или полки нового строя. Например, крестьяне поместного казака Харитона Лоухина [10, л. 65 об.] записались в Ефремове в казаки, а в Ржевске примкнули к корпорации воротников. У казака Русинко Яковлева

крестьянин ушел в солдаты [там же, л. 91]. Некоторые крестьяне уходили к детям боярским других уездов. Крестьянин Евтехи Анисимова сбежал к сыну боярскому в Козлов [там же, л. 81], а у Михаила Григорьева – в Ефремов [там же, л. 76]. При этом известно, что за Михаилом числились три человека, два из которых жили в Ельце у казачьего головы Темерязева. Немаловажен тот факт, что некоторые крестьяне и бобыли самовольно уходили к Ивану Никитичу на Романово городище. Так, в дер. Панарине от казака Трофимова в 1645 г. сбежали пять бобылей [там же, л. 121], а у казака Саввы Максимова ушли два крестьянина [там же, л. 123].

Объективно рассмотреть происходившие процессы в других группах елецких казаков помогут межевые и переписные книги, поименные списки, а также документы, касающиеся вопросов землевладения. В них помимо величины земельных наделов, практики их распределения, имен казачьих родственников упоминаются крестьяне, бобыли, половинщики и третчики.

Группа полковых казаков в елецком гарнизоне была самой многочисленной. В конце XVI – начале XVII в. в их рядах числились 600 человек [11]. Согласно документам середины века (список 1641 г.), в общем списке были зафиксированы имена 357 казаков [4, л. 138–165]. В именном списке полковых казаков приказа Тимирязева 1639–1640 гг. были записаны 18 бобылей, 2 сыновей бобыльских и 1 бобылка вдова [12, л. 135–167]. Они были расписаны за конкретными казаками с указанием имен и наличия родственников. Как правило, один казак имел одного бобыля. За редким исключением за казакom могло числиться несколько бобылей. Так, у полкового казака Ивана Петрова трудились бобыли Андрей Пахомов и Данил Веретенников [там же, л. 141]. В списке 1641 г. у полковых казаков практически нет упоминаний о бобылях, тем более крестьянах. Единственное, что есть, – это указание имен бобылей, живших в остроге в казачьих дворах [там же, л. 167; 4, л. 165]. Их было немного, примерно шесть человек, и практически все они в предыдущие годы входили в число казачьих дворников. В то же время появляются сведения о казачьих половинщиках. Их было также немного, около девяти человек, и все они были расписаны за конкретными казаками [4, л. 155, 157, 159]. Переписная книга 1646 г. зафиксировала, что казачьи бобыли жили как в разных слободах, так и на церковных местах. Всего их было 13 человек [10, л. 57, 57 об.]. Государевой службы они не служили. Несмотря на небольшую численность, их было больше, чем пушкарских и стрелецких бобылей (девять [там же, л. 58], и десять человек [там же, л. 59], соответственно).

В среде полковых казаков во второй четверти XVII в. появлялись группы служилых казаков, которые, как и поместные казаки, проживали вне города в уезде. По материалам межевой книги 1628–1630 гг., в Засосенском стане были записаны 30 полковых казаков Акимова приказа [7, л. 781, 784]. Вначале они проживали в с. Рождественском на берегу р. Дон под Тешевым лесом, затем покинули эти места и переселились в дер. Уткино на Уткином верху, где поставили свои дворы. Крестьяне и бобыли, судя по документу, последовали за ними. За казаками были записаны 24 крестьянских и 30 бобыльских дворов [там же, л. 882]. В список также вошли 14 «дворов половинщических» [там же, л. 784]. К 1646 г. на их землях уже числились 22 бобыльских двора, в которых проживали 24 человека [10, л. 157]. В с. Рождественском вместе со своими родственниками поселились другие полковые казаки. У них в 12 бобыльских дворах числились 13 человек [там же, л. 152]. В дер. Теплые слободки на берегу р. Дон образовалась еще одна слобода полковых казаков. На их землях размещались 23 бобыльских двора, а в них 42 человека [там же, л. 149]. Эти сведения позволяют заключить, что некоторые казаки объединялись для совместного ведения хозяйства, и это, вероятно, благоприятно сказывалось на площади и качестве обработки участков земли.

К середине XVII в. в елецком уезде проживали несколько групп беломестных казаков. Первая группа начала формироваться в первые годы строительства елецкой крепости и заселения округи в 1592 г. за счет перешедших на службу донских казаков [13]. Вторая группа появилась на елецкой земле в 1630 г. из числа переведенных сюда казаков Можайского и Ярославского уездов [3].

Согласно именным спискам 1639–1640 гг., можайские и ярославские казаки не успели обзавестись бобылями. Только за Семеном Серпуховитиным [12, л. 168], Григорием Марковым [там же, л. 169] и Деметрием Ивановым [там же, л. 171] числилось по одному бобылю. К 1641 г. общая ситуация не улучшилась. Число бобылей уменьшилось до двух человек [4, л. 166, 168]. Своего бобыля лишился Семен Серпуховитин.

В то же время, по документам 1639–1640 гг., у десяти беломестных донских казаков числилось по одному бобылю. Из родственников вместе с бобылями были записаны трое сыновей и один брат. Бобыли были расписаны за конкретными казаками с пометой в начале списка о том, что при себе имеют рогатину [12, л. 127–129]. Это дает возможность говорить о том, что бобыли наряду с казаками несли государеву службу либо использовались как вспомогательный боевой отряд. Отдельным списком шли десять чело-

век казачьих половинщиков [там же, л. 127] (три половинщика вошли в предыдущий список бобылей с указанием принадлежности к определенному казаку [там же, л. 129], на земле которого они работали. – А. Р.). Из родственников вместе с половинщиками были записаны трое сыновей и один брат. К 1641 г. число бобылей, записанных за беломестными казаками, несколько увеличилось [4, л. 130–131]. За 15 казаками было записано по 1 бобылю, а за казаком Некрасовым (имя не сохранилось. – А. Р.) 2 бобыля [там же, л. 131]. Из родственников вместе с бобылями были записаны два сына и один брат. Число половинщиков также показало тенденцию к увеличению. Их стало 12 человек. Из родственников вместе с половинщиками были записаны два сына, один брат и зять.

В списках задонских казаков 1639 г. фигурируют половинщики и третчики (41 человек). Они приведены общим списком с перечислением имен [12, л. 131–133]. Списку предшествовала помета о том, что они были вооружены пищалями. В конце общим списком были указаны имена семи казачьих бобылей [там же, л. 134]. В 1641 г. имена половинщиков и третчиков были расписаны уже за конкретными казаками [4, л. 132–137]. Судя по документам, половинщиками и третчиками могли быть как близкие родственники, так и люди со стороны. Например, у казака Дмитрия Долматова половинщиком был родной брат Трофим [там же, л. 137], у Ивана Дикарева половинщиком числился племянник Леонтий [там же, л. 136], а у Влада Гуреева третчиком был записан брат Иван Овдеев [там же, л. 136]. Всего по 1 половинщику было у 31 задонского казака, а за Росихиным [там же, л. 133] (имя не сохранилось. – А. Р.) и Иваном Пустохиным [там же, л. 132] числились по 2 половинщика. Численность третчиков распределилась следующим образом. У семи казаков было по одному третчику, а у четырех – по два. При этом интересно, что за казаком могли числиться сразу и половинщики, и третчики. Так, у задонского казака Михаила Степанова жил половинщик Федор Татев и третчик Петр Бондырь [там же, л. 136].

Подводя итог, можно сказать, что в хозяйствах елецких казаков прослеживалась определенная закономерность в распределении трудовых ресурсов. Она напрямую была связана с социальной принадлежностью казачьих групп. Наибольшее число крестьян и бобылей из расчета на человека было зафиксировано за поместными казаками, что придавало им статус казаков-землевладельцев [14, с. 119] и ставило в один ряд с мелкопоместными детьми боярскими и дворянами средней руки. Далее следовали группы полковых казаков и часть беломестных донских казаков. Замыкали список задонские казаки, а также отряды

можайских и ярославских казаков. За задонскими казаками числилось самое большое число половинщиков и третчиков. Причем такое соотношение в распределении трудовых ресурсов сохранялось в различные промежутки времени.

Численность крестьян и бобылей, записанных за казаками, не была стабильной. Это зависело от ряда внутренних и внешних факторов: набеги татар, конфликты с крупными помещиками, бегство крестьян и бобылей в другие города на государственную службу, уход к другим помещикам. Всё это способствовало их планомерному уменьшению. В то же время распределение крестьян и бобылей, как показывают документы, не зависело от величины земельного надела казака, а могло, вероятно, изменяться в зависимости от его заслуг и наград.

Анализ документов дает возможность сказать, что вопрос половинщиков и третчиков в хозяйствах служилых людей требует отдельного изучения. Однако полученные данные позволяют сделать вывод о том, что половинщики и третчики записывались к казакам по обоюдному договору. Они вместе с казаками находились в общей доле [15, л. 137–138] и обрабатывали определенный размер участка – в зависимости от общей величины участка казака: половину или треть. С этим, вероятно, и связана этимология определения их принадлежности.

Таким образом, сделанные на основе полученных данных выводы позволяют судить о хозяйственном составе дворов елецких казаков в первой половине XVII в. [2] и о служилом казачестве в целом. При этом перед исследователем открывается возможность поэтапной реконструкции процессов, способствовавших формированию елецкого казачества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев В. Н. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592–1594 гг. / В. Н. Глазьев, А. В. Новосельцев, Н. А. Тропин. – Елец, 2001. – 274 с.
2. Рошупкин А. Ю. Елецкое казачество после Смуты (1620-е гг.). / А. Ю. Рошупкин // «10 корпус»: сб. науч. работ студентов ист. фак. ЕГУ им. И. А. Бунина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. – Вып. 8. – С. 3–8.
3. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Д. 89.
4. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Д. 1095.
5. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М., 1990. – 270 с.
6. Елецкий уезд в начале XVII в.: елецкие десятни и платежные книги. – М.: Древлехранилище, 2011. – 516 с.
7. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 119.
8. Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. / Д. А. Ляпин. – Тула: Гриф и К., 2011. – 208 с.

9. Горлов В. П. Елец веками строился / В. П. Горлов, А. В. Новосельцев. – Липецк : Ориус, 1993. – 440 с.

10. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 135.

11. *Рощупкин А. Ю.* Из истории колонизации Юга России в конце XVI в. / А. Ю. Рощупкин // «10 корпус» : сб. науч. работ студентов ист. фак. ЕГУ им. И. А. Бунина. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. – Вып. 6. – С. 13–16.

12. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 122.

13. *Рощупкин А. Ю.* Положение донских казаков и ливенских «сведенцев» в рядах елецких полковых казаков в конце XVI в. / А. Ю. Рощупкин // Межвуз. науч.-метод. чтения памяти К. Ф. Калайдовича. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – Вып. 9. – С. 38–43.

14. *Ляпин Д. А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII веках (историко-генеалогическое исследование) / Д. А. Ляпин. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. – 374 с.

15. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 10. – Д. 116.

Воронежский государственный университет

Рощупкин А. Ю., соискатель

E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru

Tel.: 8-915-851-54-08

Voronezh State University

Roschupkin A. Y., Post-graduate Student

E-mail: alex.roschupkin@rambler.ru

Tel.: 8-915-851-54-08